

На правах рукописи

Метелкин Сергей Иванович

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ
СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ**

23 00 02 – политические институты, этнополитическая
конфликтология, национальные и политические процессы
и технологии (юридические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Ростов-на-Дону – 2008

Работа выполнена в ФГОУ ВПО «Ростовский юридический институт
МВД России»

Научный руководитель – доктор философских наук,
кандидат юридических наук,
профессор
Макеев Василий Васильевич

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, доцент
Райгородский Валерий Леонидович,

доктор социологических наук,
профессор
Степанов Олег Васильевич

Ведущая организация – ГОУ ВПО «Ростовский филиал Российской ака-
демии правосудия»

Защита состоится 30 апреля 2008 г в 15 часов на заседании диссертаци-
онного совета Д 203 011 01 по юридическим наукам при ФГОУ ВПО «Рос-
товский юридический институт МВД России» по адресу 344015, г Ростов-на-
Дону, ул Маршала Еременко, 83, ауд 502

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГОУ ВПО «Ростов-
ский юридический институт МВД России»

Автореферат разослан 28 марта 2008 г

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.П Мясников

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Современная судебно-правовая реформа является центральным событием в становлении постсоветской правовой системы, органической частью обновления российской государственности, особенно в таком ее аспекте, как разделение властей. Нельзя всерьез говорить о формировании в России правового государства без анализа нововведений в сфере правосудия и изменений в положении судебной власти. Хронологически они связаны с реформаторской деятельностью 90-х гг. XX в. – начала третьего тысячелетия. Вопросы завершения реформы и дальнейшего развития судебной системы продолжают обсуждаться и в наши дни.

В течение последних полутора десятков лет были законодательно закреплены такие инновации, как институт судебной защиты конституционных прав граждан, институт судебного нормоконтроля, институты независимости и неприкосновенности судей, институт присяжных и др. Содержание организационно-судоустройственных и процессуальных перемен, а также эволюция материального права анализируются в научной литературе преимущественно с позиций отраслевого подхода. При этом из поля зрения выпадает оценка судебно-правовой реформы как явления государственно-правовой модернизации, связанного со «вторым пришествием капитализма» и усилиями, направленными на внедрение в национальную среду ценностей либеральной демократии, западной по происхождению идеи права как меры свободы от государства.

Если свобода и личная неприкосновенность, известная автономия в частно-правовых отношениях, свобода убеждений и ассоциаций и т.д. становятся непосредственно действующими правовыми установлениями и их защита от утеснений со стороны власти возлагается на суд, то с неизбежностью возникает ситуация, при которой один вид государственной власти должен служить противовесом другому виду власти. Реформа, таким образом, выводит Россию на дорогу, проторенную два с лишним века назад ранним западноевропейским мо-

дерном Инновации, предложенные данной реформой, привели к радикальной перестройке всей институционально-организационной структуры наших судов, существенно изменили алгоритм их работы

Обновленческие процессы, ориентированные в государственном строительстве на освоение достижений Запада, определяются в научной литературе как политико-правовая модернизация. Последняя вынуждалась поисками альтернативы кризисному состоянию советской государственности. В теории модернизации (С.П. Хантингтон и др.), в исследованиях социальных кризисных явлений, сопровождающих глобализацию и модернизацию, выработан достаточно устоявшийся взгляд – типичным способом, при помощи которого преодолевается кризисный синдром, является введение институциональных инноваций.

Но означает ли это, что в западном либерально-правовом универсализме должны быть растворены без остатка отечественные традиции поиска «правды и организованности»? Что в судах своих Россия всегда «была черна неправдой черной»? Сейчас «общим местом» стало утверждение, что чужой опыт нельзя копировать механически. Но конкретные ответы на вопрос, какие заимствования оказались необходимыми и полезными, а какие – неадекватными и вредными, в нашей научной литературе обнаружить трудно. Исследование данного вопроса под углом зрения непростых отношений между судебными новациями и отечественными традициями еще не стало предметом систематического анализа.

В диссертации предлагается определенный опыт решения этой проблемы. Из общего дискурса о политико-правовых универсалиях и самобытности России выделены и проанализированы в институциональном аспекте и в связи с самобытными чертами славяно-русской правовой семьи процессы реформирования судебной системы. В этом заключаются **научно-теоретическая значимость и практическая актуальность работы.**

Степень научной разработанности проблемы. Предметное поле исследования включает в себя следующие основные «блоки» современного знания

а) концепцию модернизации и вестернизации, различные аспекты которой представлены в работах ряда зарубежных авторов (А Бланкенгагель, Д Грей, Д Лукач, У Пройсс, Л Фробениус, С Хантингтон и др) и отечественных (А Г Дугин, А Н Медушевский, Ю Н Оборотов, И Л Честнов и др),

б) институционализм, развитие выдвинутого М Ориу положения об осуществлении правовыми средствами тех или иных идей или проектов преобразований (Т Парсонс, В М Быченков и др),

в) отечественную правовую компаративистику (В Н Синюков, Ю А Тихомиров, В Е Чиркин), к которой примыкают многочисленные работы, посвященные анализу славяно-русской правовой семьи и российской государственности как особого евразийского культурно-исторического типа (А М Величко, И А Иванников, А Ю Мордовцев, А И Овчинников, С П Овчинникова и др),

г) общий и специальные проекты постсоветских преобразований, т е политико-правовую идеологию переустройства власти и формирования обновленной правовой системы Общий проект представлен идеалом ограничения власти «дозаконодательным правом», правами и свободами «первого поколения» В нем на первое место выдвигаются либерально-индивидуалистическая и либертарно-юридическая концепции права, идеи доминирования частного права и формирования «минимального государства» (С С Алексеев, И Ю Козлихин, В С Нерсесянц, В А Четвернин) Данному подходу противостоит умеренное этактистское правопонимание, сторонники которого отстаивают иную стратегию модернизации, ориентированную на «диктатуру закона» и «сильное государство» (О В Марьшин, Н И Матузов, Б Н Топорнин, В Е Чиркин и др) Специальный проект реформирования изложен в Концепции судебной реформы 1991 г (С Е Вицин, Б А Золотухин, А М Ларин, И Б Михайловская, Т Г Морщакова, Р В Назаров, С А Пашин, И Л Петрухин, Ю И Стецовский)

Исследованию становления самостоятельной судебной власти, роли правосудия в правовом государстве, отраслевых аспектов правовой политики по-

священо большое количество работ, среди которых исследования ЛБ Алексеевой, А Д Бойкова, В М Жуйкова, С В Бородина, Е Е Ершова, Н А Колоколова, В Н Кудрявцева, В М Лебедева, М Н Марченко, В А Ржевского, В М Савицкого, Ю Д Северина, Е А Смоленцева, Н М. Чепурновой

Объектом исследования являются политика реформирования постсоветской судебной системы, процессы превращения судебной власти в элемент правового государства, включенный в механизм обеспечения прав и свобод граждан

Предмет исследования – институциональные инновации судебной правовой реформы в их соотношении с устойчиво воспроизводящимися в течение веков характеристиками отечественного государства и права

Цели и задачи диссертационного исследования. Цель работы – политико-правовой анализ введенных в ходе судебной реформы новаций, таких как институт судебной защиты прав и свобод граждан, обжалование в суд действий и решений должностных лиц, контрольные полномочия суда на стадии предварительного следствия, «смешанная», состязательно-инквизиционная модель уголовного процесса, конституционный нормоконтроль и др., – в контексте требования соразмерять заимствования со своеобразными традиционными чертами российской государственности и правовой культуры

Реализация этой цели предполагает решение следующих задач

– теоретическое осмысление современных преобразований в сфере правосудия как части политико-правовой модернизации и обоснование идеи об отражении в обновленческих процессах культурно-исторического типа собственной государственности,

– анализ противоречия между начальным этапом в институционализации судебной защиты прав и свобод граждан, с одной стороны, и механизмом власти и юридическими догмами советского периода, – с другой,

– систематизация новаторских предложений, обоснованных в Концепции судебной реформы 1991 г., и исследование этапов их законодательной реализации,

– определение причин торможения судебной-правовой реформы и кризиса постсоветской государственности во второй половине 90-х гг. XX в. ,

– выделение основных тенденций современного этапа судебной-правовой реформы, завершившего структурную институционализацию судебной системы,

– использование идеи о соразмерности между заимствованиями (вестерн-образцами) и собственной политико-правовой традицией в целях критического анализа ряда неадекватных российским реалиям институциональных новаций судебной правовой политики

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем

– обоснованы выводы о том, что отбор и оценка внедряемых вестерн-образцов предполагают их востребованность внутренними запросами развития и корректировку их законодательных воплощений критериями национальной самобытности,

– охарактеризован в общем виде ряд черт российской государственности как особого культурно-исторического (евразийского) типа авторитаризм, патернализм, роль государства как демиурга новых общественных отношений, ключевая роль в системе источников права законоустановлений и др. Игнорирование этих особенностей чревато распадом российского социума. Без учета данных черт определить место судебной власти в ее отношениях с властью законодательной и исполнительной невозможно,

– обоснованы выводы о том, что возложение на суд правозащитной функции на начальном этапе реформы повлекло отрицание таких институциональных элементов советской государственности, как ее мобилизационно-целевая, идеократическая структура и аутогентическое толкование закона,

– с использованием институционального подхода проанализированы этапы и противоречия законодательной реализации предложений, сформулированных в Концепции судебной реформы 1991 г. ,

– определены конкретные вестерн-образцы, неадекватные российским реалиям, в первую очередь, ввиду укорененности их прообразов в чуждой для

российской культуры семье общего права английская модель суда присяжных, модель «чистой» состязательности, американская практика поддержания и развития судами конституционных нормоустановлений

На защиту выносятся следующие положения:

1 Важнейшим звеном современной судебно-правовой политики является институционализация судебной защиты прав первого поколения – свободы и личной неприкосновенности, неприкосновенности жилища и частной жизни, свободы слова и печати, частной собственности, свободы политических убеждений и ассоциаций и т.д. Со становлением судебной власти в качестве гаранта этих прав сопряжен целый ряд коллизивно-правовых конфликтов во взаимоотношениях между всей совокупностью видов судопроизводства, с одной стороны, и нормотворческой деятельностью различного уровня и назначения, – с другой. Если Конституционный Суд выносит решение о признании закона неконституционным, или при рассмотрении судом общей юрисдикции конкретного дела устанавливается, что подлежащий применению нормативный акт противоречит правам и свободам граждан и потому должен быть «дисквалифицирован», объявлен «вне игры», и применяться надлежит закон большей юридической силы, вплоть до Конституции, то это значит, что в обществе появилась судебная власть, способная быть противовесом законодательной и исполнительной власти

2 В институциональном разделении властей, которое стало складываться в России фактически в начале XXI века, включая положение судебной власти, адекватно отражены основные черты культурно-исторического типа российской государственности. Государство в России было и продолжает пребывать доминантной формой социальной интеграции. Гарантией устойчивого развития общества по-прежнему остается государственность с такими чертами, как а) патернализм, что в переводе на современный язык означает социальное государство, во многом противоположное первичной исторической форме западного индивидуалистического правового государства, б) чрезвычайно высокая сте-

пень централизации власти, которая выражается в авторитарном статусе президентской, следовательно, исполнительной власти. Такая конфигурация разделения властей отводит достаточно скромную роль российской судебной власти, в сравнении с положением суда, например, в Англии или США. Какие-либо аналогии с ролью судебной власти в системе общего права (английской и американской) исключаются, что имеет решающее значение для выбора заимствований в процессе модернизации.

3. Формой прогрессивного институционального заимствования является рецепция института *habeas corpus*. К выдающимся достижениям, в сравнении с советским правосудием, относятся также перестройка судебного разбирательства уголовных дел на основе принципов состязательности и равноправия сторон, юридические гарантии независимости судей, создание органов судейского сообщества, учреждение конституционного правосудия. Для отечественного правосудия все это – вестерн-образцы, востребованные поисками выхода из тупиков социалистической правовой системы.

4. Для судебной российской правовой политики неадекватными институциональными заимствованиями являются следующие:

- законодательное закрепление английской модели суда присяжных, предполагающей неоправданную степень разделения решений по «вопросам факта» и «вопросам права»,

- попытки ввести в состязательно-инквизиционную модель уголовного процесса поправки из англо-американского процесса, связанные с переносом состязательности на стадию предварительного следствия и пассивной ролью суда при рассмотрении уголовного дела,

- включение в законопроектную работу смешанной модели судебного нормоконтроля, совмещающей черты американской и континентально-европейской практики обеспечения судами высшей юридической силы конституции.

Эти выводы аргументируются диссертантом следующим образом:

5 В рамках институциональных инноваций судебной правовой политики характерное для прецедентного права разделение вопросов факта и вопросов права, введенное в английскую модель суда присяжных, игнорирует принципиальную для отечественного правосудия проблему квалификации деяния. От ее правильного решения во многом зависит оценка вопросов факта, поэтому более оптимальной моделью суда присяжных представляется коллегиальное обсуждение всех вопросов дела профессиональным судьей и представителями народа. Предложения приблизить отечественный уголовный процесс к «чисто» состязательной модели, начиная со стадии предварительного следствия и введения должности следственного судьи, противоречит традиции «смешанной», состязательно-инквизиционной структуры процесса. Последняя приспособлена к делению системы права на частную и публичную области и оценке преступления как деяния общественно опасного, предполагающего участие государства, его правоохранительных органов и государственного обвинителя в восстановлении справедливости.

6 В ходе реализации судебной правовой политики Верховным Судом РФ был разработан законопроект «О полномочиях судов общей юрисдикции по проверке соответствия нормативных правовых актов Конституции РФ, федеральным конституционным законам, федеральным законам, иным правовым актам» (1999 г.), в котором предлагалось вовлечь общие суды в абстрактный нормоконтроль. В обоснование приводился опыт США. Эту институциональную новацию нельзя признать адекватной, поскольку вынесение общими судами решения о признании нормативного акта утратившим юридическую силу не вкладывается в сложившиеся процедуры гражданского, уголовного и административного судопроизводства.

Теоретико-методологическую основу диссертации составляют концепции модернизации и институционализма, идеи классического либерального правопонимания в их противоречивом соотношении с правопониманием национально-консервативным и традиционалистским. Используются возможно-

сти общенаучной сравнительно-правовой методологии Из арсенала специальных научных методов применены системно-структурный, логический, институционально-правовой методы, а также приемы исторического толкования правовых явлений и статистический метод анализа результатов судебной реформы

Нормативно-правовая основа диссертации. Исследование базируется на обширном нормативно-правовом материале федеральных конституционных законах и федеральных законах о судебной системе, статусе судей, мировых судьях, системе управления судами, процессуальных аспектах судопроизводства. Используются также международные акты о правах человека, в числе которых Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам независимости судебных органов и др.

Научно-практическая значимость диссертационной работы. Проведенный анализ и полученные результаты могут быть применены для повышения квалификации судей и работников правоохранительных органов. Материалы диссертации, кроме того, можно использовать в учебных целях при чтении лекций и проведении семинарских и практических занятий по таким дисциплинам, как общая теория права, конституционное право, уголовный процесс, правоохранительные органы.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры государственно-правовых и политико-философских дисциплин Ростовского юридического института МВД России. Результаты исследования докладывались на научно-теоретических конференциях в данном институте. Они отражены в пяти публикациях автора.

Структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, включающих шестнадцать параграфов, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность, степень разработанности проблемы, определяются цель и задачи, методологическая основа, научная новизна и практическая значимость диссертационного исследования, формулируются положения, выносимые на защиту

В первой главе «**Российская судебно-правовая политика в контексте теории модернизации (теоретико-методологический анализ)**» анализируются такие ключевые для диссертации явления и понятия, как содержание основных преобразований в судебно-правовой сфере, политико-правовая модернизация, становление постсоветской правовой системы, институциональные инновации

В первом параграфе «*Современные преобразования в сфере российского правосудия как часть политико-правовой модернизации*» охарактеризован в общих чертах комплекс важнейших перемен, обусловленных демонтажем советского государства и социалистической правовой системы и формированием современной, обновленной судебной системы, ее организационной структуры, нормативной базы конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства, а также действующих в настоящее время кодификаций в отраслевой структуре материального права. Этот комплекс нововведений вместе с преобразованием исполнительного производства и исполнения уголовного наказания, введением суда присяжных, мировых судов, учреждением Конституционного Суда, наделенного правом разрешать дела о соответствии Конституции РФ принятых парламентом законов, появлением у судов общей юрисдикции контрольных полномочий в отношении действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, превращением защиты прав и свобод граждан от незаконных и необоснованных действий исполнительной власти в приоритетную задачу судебной системы, составляет неотъемлемую часть сложных, противоречивых процессов перехода России к постсоветскому общественно-политическому строю

Описанный выше комплекс преобразований следует рассматривать также как результат политико-правовой модернизации. В российском обществе 90-х гг. XX в. были как бы заново открыты конституционные идеи и принципы, выработанные либеральным течением политико-правовой мысли еще в эпоху английской, американской и французской революций. Под эгидой «естественных прав», прав и свобод первого поколения, под вопрос была поставлена преемственность отечественного политико-правового развития. Между обновлением и традицией образовался разрыв, обостривший проблему сочетания заимствований с сохранением собственной культурной идентичности.

Во втором параграфе *«Понятие институционально-правовых инноваций и вестерн-образцов»* новшества, не выводимые из истории советского суда и отечественной политико-правовой традиции, объединяются понятиями «институциональные инновации» и «вестерн-образцы». Институциональная инновация определяется как способ создания и закрепления структуры отношений, призванный вывести из кризиса и качественно изменить те или иные стороны общественной жизни. Судебно-правовая реформа есть вид инновационной деятельности. Она направлена на преодоление кризиса советского правосудия путем включения судебной системы в государственно-правовой механизм обеспечения прав и свобод личности, способный защитить ее от нарушений со стороны органов государственной власти.

Для истории российского правосудия данное событие является уникальным. Судебную защиту субъективных гражданских и политических прав, обладающих благодаря включению их в Конституцию прямым действием и высшей юридической силой, как и учреждение конституционной юстиции, нельзя вывести из отечественного опыта. Это – типичные вестерн-образцы.

Понятием «институциональные инновации» охватываются также современные нововведения, источником которых является судебная практика дореволюционного периода (служба судебных приставов и др.)

В третьем параграфе *«Основной критерий адекватности институционально-правовых заимствований»* добровольная рецепция западного правового опыта и имплементация международно-правовых норм, касающихся правосудия, сопоставлены с идеологией политико-правовой модернизации, представленной в концепциях об «истинно правовой, либерально-индивидуалистической парадигме» (И Ю Козлихин) и «минимальном государстве» (В А Четвернин) Из выраженной в этих построениях идеи о дозаконодательном, естественном праве свободы индивида от государства и из суждений по схеме «чем меньше власти, тем больше свободы» исчезают какие-либо упоминания о том, что доминирующую роль в утверждении провозглашенного идеала играет опять-таки государство, пусть и видоизмененное в своей структуре и функциях В зависимости от обстоятельств государство в роли центра «социальной инженерии» то сужает, то расширяет сферу личной автономии и зоны общественной жизни, свободные от непосредственного властного вмешательства Такое положение вещей диссертант называет авторитаризмом, полагая, что авторитаризм является основополагающей чертой российской государственности как особого культурно-исторического типа Сейчас эту сохраняющуюся во времени ярко выраженную черту определяют чаще всего как один из атрибутов евразийского типа государственности

Включение в исследование современной модернизации данной типологической характеристики Российского государства, совместимость новаций с другими устойчивыми чертами славяно-русской правовой семьи, такими как закрепление за судебной практикой роли толкователя норм, но не их создателя, доминирование законодательства и техника вынесения судебного решения, подчиненная в каждом конкретном случае воле законодателя, преобладающая роль публичного права в сравнении с частным и т д, рассматривается как основной критерий при определении адекватных и неадекватных заимствований

Во второй главе *«Институционализация судебной защиты прав и свобод граждан на начальном этапе судебно-правовой реформы»* аргументи-

руется тезис о том, что передача судам полномочий по защите прав и свобод граждан, которые (полномочия) принадлежали прежде комиссиям исполкомов, правоохранительным органам и прокуратуре, директорскому корпусу, являлась для судебно-правовой реформы своего рода «пусковым механизмом». Расширение правозащитных полномочий суда привело в движение весь остальной комплекс преобразований

В развитие этого положения первый параграф *«Реформирование советской судебной системы как часть перестроечных демократических процессов»* содержит анализ противоречия между положением суда в мобилизационно-целевой организации советского общества и потребностями укрепления правового статуса личности, преодоления ситуации, когда властные структуры – КПСС, Советы, правительство, административно-хозяйственный аппарат – не были связаны в своем воздействии на общество ограничениями, составляющими неотъемлемые права каждого индивида. Советская судебная система в разные периоды ее истории была частью этой структуры. По мере укрепления режима законности становилось все более очевидным, что равенство перед законом не может стать всеобщим, поскольку из него выпадает правящий слой, партийно-советская и партийно-хозяйственная номенклатура. Поставить власть в рамки закона оказалось для советской государственности неразрешимой задачей, несмотря на попытки правящей партии обеспечить переход к «демократическому социализму» и «социалистическому правовому государству», принятые в 1988 г. на XIX Всесоюзной партконференции.

Во втором параграфе *«О значении Декларации о государственном суверенитете РСФСР и Декларации прав и свобод человека и гражданина в институционализации правозащитной функции суда»* появление этих документов рассматривается в контексте становления многопартийности, учреждения парламентаризма, разделения властей.

Декларации о суверенитете (1990 г.) и правах и свободах (1991 г.) отражали решимость демонтировать прежний политический строй, его ядро – «ру-

ководящую роль КПСС» – путем внедрения принципов классического буржуазного конституционализма. Значение этих документов в том, что они легализовали прежде отвергаемые постулаты о разделении властей и правах личности как автономного, независимого от власти, частного субъекта. Суду в этой связи вменяется не только защита прав и свобод одних физических и юридических лиц от незаконных действий других лиц, но и от случаев произвола со стороны самой публичной власти, от перекосов в нормоустановлениях подзаконного характера, в крайних случаях – в самих законах.

В третьем параграфе *«Идея нетождественности права и закона, ее влияние на расширение полномочий суда»* обосновывается положение о том, что посредством института непосредственно действующих конституционных прав и свобод их защита в суде должна рассматриваться как одно из проявлений высшей юридической силы Основного закона. На пути к обеспечению судами непосредственного действия конституционных прав и свобод необходимо было преодолеть позитивистскую догму советского периода о тождестве права и закона, в особенности – ее выражение в аутотентическом толковании закона.

Третья глава *«Концепция судебной реформы 1991 года и ее законодательная реализация в период до принятия Конституции»* посвящена комментированию важнейших положений официальной доктрины судебной реформы, разработанной группой ученых и одобренной Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 г. Рассмотрен также ход законодательного обеспечения Концепции в период до принятия новой Конституции.

В первом параграфе *«Предложения о правовом статусе судей и организационно-судоустройственном обеспечении независимого правосудия»* диссертант отмечает, что Концепция предусматривает законодательное закрепление принципов несменяемости судей и их неприкосновенности. Особую роль в обеспечении самостоятельности судебной власти должны сыграть органы судебного сообщества. В организационно-судоустройственном плане предлага-

лось сделать отправление правосудия независимым от органов юстиции и от административных отношений внутри самой судебной системы

Во втором параграфе *«О замене института судебных исполнителей службой судебных приставов и введении суда присяжных»* рассмотрены предложения о нововведениях, апробированных отечественным правосудием после реформы 1864 г, но отмененных в советский период. Особый интерес представляет вопрос о выборе модели суда присяжных. Коллегиальному обсуждению профессиональным судьей и представителями народа вопросов факта и вопросов их правовой квалификации была предпочтена английская по происхождению модель, построенная на их решительном разделении

В третьем параграфе *«О судебной защите конституционных прав обвиняемого и потерпевшего на стадиях предварительного расследования и состязательном уголовном судопроизводстве»* исследуются предложения о реформировании уголовного процесса. В Концепции они формулируются в виде требований о расширении возможностей обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ведущих предварительное следствие и дознание; установлении судебного контроля за законностью и обоснованностью применения мер пресечения и других мер процессуального принуждения, размежевании правосудной функции объективного и беспристрастного рассмотрения доводов pro et contra обвинения, с одной стороны, и функций прокуратуры, – с другой, о строгом соблюдении презумпции невиновности, при котором освобождение суда от «обвинительного уклона», в первую очередь, от обязанности возвращать дело по своей инициативе на дополнительное расследование, естественным образом дополняется реализацией принципов состязательности и равноправия сторон

Ход законодательной реализации Концепции в период до принятия новой Конституции не отличается богатством событий. Были приняты новый Закон о статусе судей (1992 г), Положение о квалификационных коллегиях (1993 г), введен суд присяжных (1993 г), произведена рецепция появившегося впервые в

Англии института habeas corpus – судебной защиты свободы и личной неприкосновенности (1991 г.), создан прецедент отказа суда от функций обвинения (по делу членов ГКЧП, 1993 г.) Законодательное закрепление получила только часть предложений, сформулированных в Концепции

В четвертой главе **«Завершение структурной институционализации современной судебной системы»** в качестве предмета исследования выступают основные вехи на пути к достраиванию судебной системы, трудности и противоречия, с которыми столкнулась судебно-правовая политика после принятия Конституции

В первом параграфе *«Современный этап становления российской судебно-правовой системы (общая характеристика)»* констатируется, что законодательное обеспечение ряда положений Концепции судебной реформы вынужденно откладывалось до принятия новой Конституции. Только после этого события появились законы о судебных приставах (1997 г.), о Судебном департаменте при Верховном Суде РФ (1998 г.), о мировых судьях (1998 г.) Наиболее сложным и длительным оказалось реформирование уголовного судопроизводственного процесса, обновление его нормативной базы. Ход реформы осложнялся глубочайшим кризисом законности и конституционного строя

Тем не менее, как показано во втором параграфе *«Структурирование судебной системы по видам судопроизводства и критерию единства в рамках федеративного устройства»*, судебная система в данный период приобрела окончательную структуру и нынешний облик. Этому способствовали законы «О Конституционном Суде РФ» (1994 г.), «О судебной системе РФ» (1996 г.), ратификация Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1998 г.)

В третьем параграфе *«Кризис российского конституционного строя в 1994–2000 гг. и важнейшие факторы торможения процессов институционализации судебно-правовой реформы»* в числе причин, по которым реформирование судебной системы вместо ожидаемых результатов оказалось по своим

практическим последствиям частью опасной деградации всей правовой системы, названы пропаганда решительного «разведения» государства и права, распространение антилегистского, анархического по существу, умонастроения, подмена разделения властей конфронтацией между ними, попытки субъектов Федерации учредить собственную судебную власть, нескоординированность преобразований и противоречивость обновляемой нормативной базы, неадекватность ряда заимствований российским реалиям и др

В четвертом параграфе *«Укрепление исполнительной власти, законности и завершение структурной институционализации судебной системы в начале XXI в.»* диссертант уточняет сформулированное в первой главе положение о неизбежных разрушительных последствиях реализации замыслов, игнорирующих культурно-исторический тип собственной государственности. Ложный ориентир для правовой политики был задан идеей «минимального государства». Сформировалась принципиальная установка для оправдания полной свободы в вопросах приватизации и накопления частного капитала, сведения к минимуму государственного контроля, свертывания социальных функций государства. Как итог – кризис управляемости и сползание страны в анархию. Эти недуги не замедлили сказаться и на авторитете судебной власти.

В ответ на вызовы распадающегося социума была предложена политика «сильного (авторитарного) государства», диктатуры закона и укрепления властной вертикали в механизмах исполнения законодательства.

В такой обстановке в конце 2001 г были приняты поправки в законы «О Конституционном Суде РФ», «О судебной системе РФ» и «О статусе судей в РФ», завершившие законодательную институционализацию судебной системы.

В заключительной, пятой, главе диссертации *«Критический анализ неадекватных институционально-правовых новаций в российской судебноправовой политике»* речь идет 1) об институционализации судебного нормоконтроля и законопроектах, нацеленных на внедрение его смешанной модели, объединяющей черты континентально-европейской и американской юстиции,

- 2) о возможностях переноса на досудебную, инквизиционную фазу российского уголовного процесса (предварительное следствие и дознание) процедур состязательности, принятых в англо-американской практике,
- 3) о критике разделения «вопросов факта» и «вопросов права» в рассмотрении дела судами присяжных

В первом параграфе *«Судебный нормоконтроль как способ разрешения проблемы единообразного толкования закона. Критика смешанной модели нормоконтроля»* анализируются понятия абстрактного и конкретного нормоконтроля. Автор придерживается точки зрения, что абстрактный контроль за содержанием нормативно-правовых актов является прерогативой Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Федерации. Конкретный нормоконтроль состоит в предоставлении судьям общей и арбитражной юрисдикции самостоятельности в вопросах выбора нормативно-правового акта в случае коллизии между нормами, под которые могут быть подведены конкретные обстоятельства рассматриваемого дела. В течение некоторого времени суды общей юрисдикции наделялись правом выносить решения о неконституционности отдельных нормативно-правовых актов безотносительно к разрешению вопросов по делам, рассматриваемым в порядке гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Но это было явлением переходным, временным. Попытки закрепить такую смешанную модель несостоятельны, прежде всего, в части своих ссылок на опыт США. Конфигурация отношений между Конституцией, ее судебным толкованием и системой прецедентов, с одной стороны, и статутом, нормативно-правовым актом представительного органа власти, – с другой, в системе англо-американского права не имеет ничего общего с положением обычных судов и представительного законодательного органа (легислатуры) в континентальной Европе и России. Здесь для установления равновесных отношений между судебной и законодательной властью систему обычных судов (в России – общих и арбитражных) необходимо дополнить учреждением особого, конституционного правосудия.

Второй параграф *«Неадекватные конструкции состязательного уголовного процесса»* содержит критический анализ аргументов, посредством которых в научной литературе обосновывались предложения о создании «чисто» состязательного уголовного процесса. Попытки реформировать инквизиционную, досудебную фазу процесса связывались с введением института следственного судьи. Это предложение вместе с низведением роли суда в вопросах изыскания доказательств до положения пассивного участника процесса является одним из наиболее ярких примеров подмены модернизации вестернизацией, механическим переносом на российскую почву неадекватных конструкций «Чистая» состязательность уместна только в системах «общего права», где нет кодифицированных отраслей частного и публичного права и где под категорию частного обвинения может быть подведена значительная часть уголовных дел.

В третьем параграфе *«Разделение вопросов факта и вопросов права в английской модели суда присяжных и издержки ее использования в российской правосудии»* к числу издержек отнесена устойчивая потребность в том, чтобы в порядке надзорного производства исправлять ошибки присяжных. Имеются в виду необоснованные оправдательные приговоры. Эта проблема включает в себя два аспекта: а) плохое качество предварительного следствия, б) неоправданные процессуальные ограничения, препятствующие коллегиальному обсуждению профессионального судьи и представителей народа всех материалов дела в совокупности. Такая ситуация возникает вследствие разделения вопросов факта и вопросов права. В Англии, где отсутствует обобщенная норма и невозможны наши кодификации, эти вопросы максимально сближены. От установленных фактических обстоятельств легко можно перейти к определению прецедента, их правовой оценке. В России техника принятия решений иная. Толкование закона, признаков состава преступления имеет ключевое значение для отбора и оценки фактических данных. Английская модель суда присяжных игнорирует эту роль профессиональной подготовки в вопросах толкования закона. В этом ее неадекватность. Значит, следует признать оправданными пред-

ложения перейти к коллегиальной модели суда присяжных, принятой в странах континентальной Европы

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, делаются обобщения и выводы, определяются перспективы дальнейшей разработки актуальных вопросов темы

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1 Метелкин С И Реформирование судебной системы как направление правовой политики России // Правовая политика Ч II Приоритеты и направления правовой политики России Сборник тезисов Всероссийской научно-практической конференции Ростов н/Д – Таганрог, 2005 – 0,2 п л

2 Метелкин С И Концепция судебной реформы 1991 года и ее законодательная реализация в период до принятия Конституции Научное издание Ростов н/Д, 2005 – 2,75 п л

3 Метелкин С И Кризис советской государственности и начальный этап судебно-правовой реформы Научное издание Ростов н/Д, 2006 – 2,5 п л

Статьи, опубликованные в изданиях Перечня ВАК Минобрнауки России:

4 Лукьянов А И , Метелкин С И Начальный этап судебно-правовой реформы // Гуманитарные и социально-экономические науки 2006 №1 – 1,2/1,0 п л

5 Метелкин С И Судебный нормоконтроль понятие, виды, модели // Философия права 2007 №4 – 0,5 п л

Сдано в набор 24 12 2007 Подписано к печати 25 12 2007
Формат 60x84/16 Объем 1,0 п л Набор компьютерный
Гарнитура Таймс Печать ризография Бумага офсетная
Тираж 100 экз Заказ № 329

Отпечатано в отделении оперативной полиграфии ОНиРИО
Ростовского юридического института МВД России
344015, г Ростов-на-Дону, ул Маршала Еременко, 83